

ЛЕВ ГУРСКИЙ

**МИНИСТЕРСТВО
СПРАВЕДЛИВОСТИ**

РОМАН

Лев Аркадьевич Гурский

Министерство справедливости

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57474487

Лев Гурский. Министерство справедливости: «Время»; Москва; 2020

ISBN 978-5-9691-2002-0

Аннотация

Когда ржавые скрепы рассыпались и подлый мир канул в небытие, его вчерашние хозяева и их верные слуги шустро расползлись по всему глобусу и забились в глубокие щели. Они сменили имена, паспорта, номера банковских счетов и понадеялись на юридические увертки, а еще больше – на короткую память обывателей и великодушные победителей. Как будто они оказались правы: шли месяцы, а родина официально не преследовала сбежавших ворюг и кровопийц... Но значило ли это, что о них забыли совсем?

Содержание

Пролог в Дарвине	6
Глава первая	12
Глава вторая	17
Глава третья	23
Глава четвертая	32
Глава пятая	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Лев Гурский

Министерство справедливости

Художественное электронное издание

Художник
Валерий Калныньш

Редактор *Алла Гладкова*
Художественный редактор *Валерий Калныньш*
Верстка *Оксана Куракина*

© Leo Gursky, 2020

© «Время», 2020

Издательство не несет ответственности за беспочвенные фантазии автора.

Автор не несет ответственности за случайные совпадения имен и фамилий персонажей, а также названий городов, стран и континентов.

Читателей, узнавших себя среди героев книги,

автор убедительно просит извиниться.

Пролог в Дарвине

Городу Дарвину на севере Австралии дали имя в честь того самого Чарльза. Одна из главных улиц города называется Крюгер-стрит – и нет, она не имеет отношения к тому самому Фредди. Здесь, кстати, вообще нет ни одного вяза.

Еженедельно по воскресеньям в 8 утра на углу Крюгер-стрит и Кунаварра-роуд останавливается белый мусоровоз с круглым значком компании Weolia. Из кабины выпрыгивает парень в голубых джинсах и желтой жилетке поверх пестрой фланелевой рубахи. Зовут его Драган, ему двадцать шесть. Пять лет назад он приехал из Любляны, и здесь ему пока всё нравится: еда, девушки, Тихий океан, погода и даже работа. Во время недавней эпидемии китайского вируса он, как и многие в городе, был волонтером, разносил еду старикам и получил письменную благодарность мэра. Эта бумага позволяла выбрать себе место службы почище и попрестижнее, но Драган вернулся на мусоровоз.

Матей – его земляк и старший товарищ – тоже тогда не стал менять работу. Сейчас он сидит за рулем. Дождавшись, пока его напарник покинет кабину, Матей сразу включает кондиционер на максимум. Город и девушки Матею тоже нравятся, а вот климат не очень. Когда почти весь год температура под тридцать, славянская душа просит хотя бы немножко зимы...

К утру воскресенья возле каждого дома на газон уже аккуратно выставлены по три мусорных бака: с красной, желтой и зеленой крышками. Задача Драгана – выкатить баки на проезжую часть и вернуться обратно в машину. После чего мусоровоз двинется вдоль по улице, механической клешней подхватывая полные баки и опрокидывая каждый из них в специально предназначенное отделение. Красный бак – для пищевых отходов, желтый – для стекла, пластика, жестяных банок и бумаги, зеленый – для скошенной травы, обрезков веток, цветов, листьев и прочей природы. Красный и желтый надо вытряхивать каждую неделю, а зеленый – можно через раз. Драгану и Матее повезло: им достался район, где почти не бывает проблем. Это значит, что в конце месяца они как лучшие работники попадают на корпоративную Доску почета и получают премию.

Сегодня, как и в любое другое воскресенье, на Крюгер-стрит всё идет своим чередом. Кондиционер в кабине мусоровоза еле слышно гудит, шины мягко шуршат по ровному асфальту, стальная клешня с тихим лязгом подбирает очередной бак. Большие черные пластиковые пакеты летят по нужной траектории и падают куда им следует, а Драган с Матеем, приближаясь к дому 43, по обыкновению заключают пари: высунется в этот раз мистер Хиггинс или нет? Двадцать метров до цели, десять, пять... Дверь распахивается и на пороге возникает фигура хозяина. Матей досадливо крикает: ну вот, проспорил пиво.

Мистеру Хиггинсу на вид лет семьдесят. Лицо его – цвета свеклы, глаза прячутся за узкими зеркальными очками. На голове – клетчатая кепка с длинным козырьком, на ногах – высокие альпийские ботинки, а прочие части тела упакованы в синий спортивный костюм. И кепка, и костюм, и ботинки по отдельности выглядят солидно и дорого, но вместе не сочетаются никак: кажется, будто мистер Хиггинс вскрыл ночью три витрины магазинов модной одежды и обуви и обокрал три попавшихся под руку манекена.

– Хэлло! – здоровается Драган.

Хозяин дома, как всегда, не отвечает. Он живет здесь уже полгода и за прошедшее время ни разу не попытался изобразить вежливость.

Оба мусорщика уверены: мистер Хиггинс вылезает понаблюдать за ними не просто скуки ради. То ли он подозревает Драгана в намерении стащить его садовых гномиков. То ли ему втемяшилось, будто Матей мечтает въехать на его газон всеми четырьмя колесами. А может, он следит за всеми подряд, опасаясь вторжения инопланетян. Хотя красномордый дед ни во что не вмешивается, работа под его бдительным присмотром – удовольствие ниже среднего. Каждый раз, когда мусоровоз тормозит у дома 43, друзья молятся про себя, чтобы не случилось заминки и процедура уложилась в стандартные три минуты.

Обычно всё и проходит гладко. Но сегодня молитвы не услышаны.

Раздается громкий скрежет. Стальная клешня, уже поднявшая первый из контейнеров мистера Хиггинса на высоту в полтора человеческих роста, замирает на полпути. У Драгана перехватывает дыхание: о нет, только не это! Только не сейчас! Только не здесь! Матей, страшно ругаясь по-словенски, торопливо лупит по кнопкам. На приборной панели яростно мигают аварийные лампы, надрывно гудят сервомоторы подъемного механизма, вхолостую визжит гидравлика захвата, а толку нет. Манипулятор заклинило. Кажется, будто раздвижную механическую руку сразил паралич, – ни вверх, ни вниз. Мусорный бак с красной крышкой зависает в небе, как гигантская упаковка йогурта.

Мистер Хиггинс больше не стоит в дверях. С гневным птичьим клекотом он кидается на выручку к своему имуществу. Преодолев за несколько секунд дистанцию между домом и мусоровозом, старик подпрыгивает, желая дотянуться до контейнера и вернуть его на землю. Драган хочет крикнуть, что заклинившие манипуляторы непредсказуемы и лучше дождаться ремонтников, но не успевает: фраза чересчур длинна для его английского. Одна из аварийных ламп на приборной панели гаснет. Механическая клешня в небе ослабляет хватку – не настолько, чтобы выпустить бак совсем, но достаточно, чтобы угол его наклона изменился. Красная крышка со щелчком распаивается раньше времени, и вниз один за другим начинают выпадать пакеты. Как назло, они плохо завязаны. Очень и очень халтурно. Похоже,

мистер Хиггинс совсем не старался делать нормальные узлы.

Шлеп! Шлеп! Шлеп! Драган и прежде догадывался, что к идее отдельного сбора отходов старый хрыч относится наплевательски и в один бак запикивает все подряд. Теперь это становится очевидно. На голову мистера Хиггинса сыплется вонючее месиво, состоящее из куриных костей, рыбьих голов, смятых пивных жестянок, яичной скорлупы, грязного тряпья, огрызков фруктов, картона, дынных корок, целлофановых пакетов, картофельных очистков, одноразовой пластиковой посуды, банановой кожуры, шелухи подсолнечника, заплесневевших кусков хлеба и чего-то еще, мерзкого, склизкого и студенистого, уже потерявшего первоначальный облик. Даже профессионалы, знающие толк во всех разновидностях отбросов, едва ли поймут, чем эта дрянь была в предыдущей жизни.

Матей и Драган переглядываются: им обоим одновременно и жутко, и весело. По-человечески они готовы посочувствовать хозяину дома 43 и в то же время с трудом удерживаются, чтобы не захрюкать от смеха – так похож стал бдительный старик на ожившее огородное пугало или трэшмена из фильмов ужасов. Самому мистеру Хиггинсу, с головы до ног покрытому вонючей гадостью, конечно, не до смеха. Он безнадежно застрял в куче мусора и не может сдвинуться с места. Его сердитый клекот переходит в тигриный рык такой силы, что кажется, будто деда вот-вот хватит удар. Однако умереть от инсульта или инфаркта мистеру Хиггинсу сего-

дня не суждено.

В Австралии типовой мусорный бак на полтора кубометра – один из самых удобных и надежных предметов, окружающих человека. Он экологичен, функционален, сделан из легкого сплава, выкрашен нетоксичной краской, а для удобства транспортировки снабжен двумя колесами. И – что немаловажно – такие контейнеры в быту абсолютно безопасны...

Если, конечно, они не падают на человека с высоты.

На приборной панели мусоровоза гаснут еще две аварийные лампы. Громко щелкнув, механическая клешня полностью разжимается и освобождает бак. Высота небольшая, а емкость уже пуста, поэтому у хозяина дома 43 по Крюгер-стрит всё еще неплохие шансы остаться невредимым. Но, похоже, Фортуна сегодня не на его стороне. С прицельной точностью острый угол бака ударяет в клетчатую кепку. Возмущенный рык обрывается. Мусорный контейнер падает на землю, а человеку упасть мешает куча дряни, в которой он намертво застрял. Но вместо головы у мистера Хиггинса – только ее половина.

– Мать божья! – обалдело шепчет Драган. – А дедуля, кажется, того...

– Сам вижу, – откликается Матей. – Накрылась наша премия.

Глава первая

Сегодня суббота. Значит, на завтрак подадут мою любимую картофельную запеканку – с тмином, копченым лососем и тонкими ломтиками соленого огурца. «Ты, Ромыч, по жизни большой везунчик, – часто повторяет Петруша. Этот дылда – мой сосед по этажу и главный хранитель местных традиций. – Мы страдали, а кое-кто пришел на готовенькое».

В темные времена, которых я тут не застал, и в субботу, и во все другие дни недели по утрам давали одно и то же: макароны отечественные калибра 7,62. Их варили здесь же, в кухонной пристройке к административному флигелю, а потом развозили по всем больничным корпусам. Чтобы сэкономить на бензине, вместо автомобиля пользовались телегой с лошадью по имени Глафира. Сразу после Славной Революции 4 декабря всю долларовую заначку, найденную в подвале у первого вице-мэра Москвы, широким жестом перепасовали в бюджет городской медицины. Денег оказалось с избытком. Нашей клинике хватило на евроремонт, ежедневную еду из кулинарии и электромобиль.

Глафире как ветерану труда сохранили кормежку, однако без работы лошадь быстро обветшала и умерла от тоски. Беднягу кремировали, коробку с прахом торжественно закопали в центре клумбы. Даже притащили откуда-то огромного чугунного пегаса, выкрашенного серебрянкой, и водрузи-

ли его сверху. Это было уже при мне.

«Глафиру жаль, но прогресс не остановить. Россия идет вперед, и пропущение времени смерти подобно», – сказал на похоронах лошади всё тот же Петруша. Хранитель местных традиций закончил один курс истфака МГУ, а затем лет двадцать проработал в подмосковной школе истопником. Крыша у него поехала на Петре I. Прочитав о тезке уйму книг, Петруша в какой-то момент резко ощутил себя царем-реформатором и в этом качестве угодил в лечебницу. Когда я прибыл сюда, он уже был старожилом корпуса. В день нашей первой встречи у него ныла поясница, из-за чего царь пребывал в депрессии. По-тараканьи шевеля усиками, он дважды обложил старшую медсестру Софью Алексеевну малым морским загибом, а мне пообещал обрить бороду. «Тронешь – в лоб получишь, – вежливо ответил я ему. – Не ты ее растил, не тебе и брить».

Так мы познакомились и позже сдружились. Император оказался добродушным занудой. Он знал уйму фактов из истории восемнадцатого века и мог поддерживать беседу о чем угодно. Нельзя было только говорить ему о Меншикове. Царь сразу же начинал бранить окаянного Алексашку за то, что он присвоил себе княжеское имя и теперь гребет бабло, снимаясь в кино. А своего государя, между прочим, этот минхерц не навестил ни разу.

Недуг Петруши всерьез обострялся лишь в полнолуние. В те дни он ломился в запертую дверь кладовки с противопо-

жарным инвентарем, срочно требуя себе топор – прорубить куда-нибудь окно. Ему выдавали дополнительные таблетки, и Петруша успокаивался.

Кстати о таблетках. Скоро и мне принесут ежедневную порцию пилюль в пластиковом стакане: зелененький элениум, голубенький буспирон и беленький грандаксин. *Весы* у меня в мозгу не шевелились уже полгода, но рисковать обретенным покоем я не хотел. В моем тихушном корпусе публика жила безобидная: аутизм, нетяжелые формы астении плюс Петрушина мания величия. А вот в соседнее здание с палатами усиленного режима – всего двадцать метров от нас – неделю назад заселили двух маньяков, бывших тюремных надзирателей. Санитар Володя говорил, что эти двое здесь ненадолго. Скоро их признают вменяемыми и вернут в тюрьму – где обоим и место. Но что, если это «скоро» растянется на месяц? Петруша плохо переносит бытовых маньяков – даже на расстоянии. Когда он нервничает, тонкие душевные вибрации царя-реформатора передаются и мне. Кончится все тем, что в ближайшее полнолуние я присоединюсь к Петруше в поисках топора. Будем ломиться вместе. Пусть и мне тоже выписывают двойную дозу...

– Ромыч, эй, Ромыч!

Ну вот, легок на помине. Как назло, мы с царем в противофазе: когда мне хочется еще поваляться, император жаждет общения. И почему в эпоху Петра I не знали, что такое

приватность? Я отвернулся к стене, делая вид, что сплю. Накрылся одеялом, фальшиво всхрапнул. Куда там! От его величества не спрячешься – он зудит уже прямо над ухом.

– Ромыч, выгляни, к тебе посетитель! Сидит в гостевой и говорит, что по делу.

Чего-чего? Посетитель? С ума сошли? Какое мне дело до вас до всех, а вам – до меня? За полгода никто не навещал мирного психа, и сейчас он никого не ждет. Оставьте в покое человека, у которого мозги набекрень. Мне ничего не надо, кроме субботней запеканки.

Сладкое состояние полубодрствования растаяло, но мне по-прежнему не хотелось ни с кем делить мое утро. Я вылез из-под одеяла, напоследок зевнул и сел на кровати.

– Петруша, всадник ты медный, выручай, – попросил я царя. – Ступай в гостевую и соври, что меня не нашел. Или скажи, что я в отключке и вернусь только через неделю. Скажи, короче, всё, что захочешь. Пригрозь ему царским скипетром. Назначь его в синод или в сенат, а лучше – сразу посланником в Амстердаме. Главное, чтобы он свалил.

Император печально вздохнул и помотал головой:

– Не сработает. Я его, Ромыч, как увидел, в момент срисовал. Он вроде Петьки Толстого, только покрепче, не мордатый и без понтов. Знаю я эту породу. Такие не уходят.

Долгие задушевные беседы с царем помогли мне выучить список его приближенных. Насколько я помню, граф Петр Андреевич Толстой при своем тезке возглавлял Тайную кан-

целярию. Странно это, подумал я. У Петруши – прекрасная интуиция, он обычно не ошибается. Однако и гостей из ФСБ тут быть не может. Вероятно, император угадал сам типаж службиста, но не конкретную службу. За последние триста лет число секретных ведомств на Руси ох как сильно приросло. Ладно, погляжу, кто испортил мне субботу.

Глава вторая

Человек в комнате для визитов был именно таким, каким я воображал: никаким. Не высок и не низок. Не толст и не тонок. Неприметная фигура в толпе, эдакий человек из тефлона – взгляд проскользнет мимо, не прилипая. Ясно, отчего царь заподозрил в нем чекиста. Однако этот, похоже, не из ФСБ. Рыцарей щита и меча я обычно чувствую уже метров за пять. И даже если под транками, как теперь, – то за полтора вполне могу уловить.

– Здравствуйте, Роман Ильич! Меня зовут Сергей Петрович. Спасибо, что пришли.

Нас разделял столик – никак не больше метра в ширину. Я осторожно приоткрыл ма-а-аленькую щелочку у себя в мозгу, задержал дыхание, еще раз прислушался к ощущениям. Нет, точно не конторский. Но на службе. И пусть. Я-то – на отдыхе, у меня и справка есть. Надо бы еще накопить слюней для наглядности, а пока задвинуть ему из Омара Хайяма.

– Небо, твоими веленьями я недоволен, я недостоин оков твоих, слаб я и болен, – с выражением проговорил я. – Ты благосклонно к безумным... – Я перевел дыхание.

– Может, перейдем на прозу? – мягко спросил гость, вклиниваясь в мою декламацию. Он смотрел на меня так, словно я был его добрым знакомым.

– ...и неблагородным, – упрямо продолжил я. – Погляди,

я безумен. В себе я не волен...

Теперь я нарочно сделал паузу, чтобы Сергей Петрович мог вставить реплику. Я надеялся немного подразнить его классикой, но у моего нового знакомого нервы оказались крепкие.

– Будь по-вашему, – сказал он. – Стихи, проза – мне все равно, сгодится любая форма общения. Мы оба знаем, что вы не безумны. И, в отличие от ваших соседей, явились сюда по доброй воле. С позиций клинической психиатрии вы вполне здоровы.

Такая нечуткость собеседника меня огорчила. Не ему, гаду, решать, псих я или не псих.

– Нет, я очень и очень болен, – сварливым тоном возразил я. – Сам не знаю, откуда взялась эта боль. Говорю вам, я чокнутый. Опасный для окружающих вице-король Индии. Могу любого покусать, и мне ничего не будет. Где мои абриксы и кунаки? Где слоны?

Гость терпеливо дослушал мою байду и попросил:

– Роман Ильич, не надо больше цитат, мы теряем время. Я ведь тоже читал «Золотого тельца». Вам не хуже меня известно, что в Индии давно нет вице-королей. Кроме того, в здешней истории болезни не говорится, что вы буйный. И мания записана совсем другая.

– Ах, ну да, немного напутал, – высокомерно отмахнулся я. – В самом деле, другая. Я не король и не вице, а бывший президент России. Отбыл два полных срока, навел порядок и

улетел на звездолете «Заря» в созвездие Кассиопеи. И, кстати, лечу до сих пор. А значит, вы – моя галлюцинация, вызванная клаустрофобией и авитаминозом... Уйди, противная! Брысь! – Я взмахнул рукой и пустил по бороде давно накопленные слюни.

Обычно такие штуки производят впечатление, но я недооценил Сергея Петровича. Ловким жестом фокусника он тотчас же выхватил откуда-то целый рулон бумажных полотенец.

– Спокойнее, спокойнее... – Оторвав белый квадрат, он перегнулся через стол и – раз-раз – сноровисто отер мою заплыванную бороду. После чего рулон опять исчез. – Роман Ильич, ну пожалуйста, давайте сократим увертюру. Я ведь здесь не просто так.

Черт с тобой, устало подумал я. Люди при исполнении – самые настырные. Их проще выслушать, чем выгнать. Пусть отболтает свое и уходит, а то завтрак уже – вот-вот. На горизонте маячит запеканка, которую неловко заставляешь ждать. Сама себя она не съест.

– Ладно, – сказал я. – Так для чего вы явились? И давайте без предисловий, сразу к сути.

Гость выложил на стол большой конверт, но открывать пока не стал. Сказал:

– Несколько дней назад в городе Дарвине погиб мистер Энтони Хиггинс. Несчастный случай. На голову вот этого джентльмена упал бак с мусором. Поглядите.

Из конверта выпорхнуло фото: неизвестный дедок в бейсболке и спортивном костюме.

– И что? – удивился я. – Зачем мне, психу, летящему к Кассиопее, об этом знать?

Рядом с первым снимком тотчас же возник еще один. На нем был запечатлен пожилой мужчина в форме с генеральскими погонами. Я понял, что второй откуда-то мне знаком. Но тогда, получается, знаком и первый. Поскольку человек был одним и тем же.

– Между этими фотографиями около шести месяцев, – пояснил Сергей Петрович. – Паспорт на имя Энтони Хиггинса – фальшивка. Раньше его звали Антон Качай. Он был замминистра внутренних дел России. Вы ведь помните о той свалке возле Красноярска?

Я молча кивнул, потому что сразу вспомнил – и свалку, и генерал-лейтенанта. Примерно за год до моего переселения в лечебницу о событиях в тех краях довольно много писали. Точнее, много писали в блогах, а в официальных новостях про царь-свалку рассказывали с неохотой. На том полигоне, куда мусор свозили отовсюду, правила безопасности не выполнялись совсем. Свалка жутко пылила и воняла. Когда ветер дул в сторону города, в палатах реанимации не хватало коек. Число онкозаболеваний зашкаливало. В итоге ужасная статистика все-таки выплыла, дело дошло до разборок в ООН. Зашевелилась, наконец, Всемирная организация здравоохранения, пообещав прислать инспекцию...

– И про пожар вы, значит, помните?

Я снова кивнул. А то как же! За два дня до прибытия инспекторов свалку подожгли, замечая следы. Вопреки прогнозам ветер вскоре переменился, и близлежащее село выгорело на две трети. В новостях сообщали о сотне погибших, однако в блогах это число умножали на десять. Быстро выяснилось, что владел полигоном – через подставные фирмы на Карибах – тот самый замминистра Антон Качай. Он, скорее всего, и отдал приказ о поджоге. Виновными, однако, признали каких-то местных бомжей, а генерал-лейтенанта даже не уволили из МВД. Да что там «не уволили» – мусорный король не получил даже крошечного выговора... Сразу после Славной Революции 4 декабря Качай быстренько исчез – слинял куда-то из России. Но теперь, как видим, нашелся.

– Теперь понимаете, зачем я здесь? – Сергей Петрович испытующе глянул на меня.

Ой как глупо, подумал я. И какая у него будет следующая реплика? «Вы и убили-с»?

Не ожидал. За кого же этот новоявленный Порфирий Петрович меня принимает? За супермена, что ли? Надо ему объяснить как можно доходчивее, насколько он неправ. Плохо, когда люди тебя недооценивают. Но когда переоценивают – совсем беда.

– Город Дарвин – он где-то в Новой Зеландии? – поинтересовался я. – Так?

– Где-то в Австралии, – уточнил гость, продолжая свер-

лить меня глазами.

– Тем более. – Я вздохнул. – Вы что же, и правда решили, что это я его? Вслепую, без ментальной подзарядки, за много тысяч километров? Даже если бы я не сидел на транках последние полгода, ваши подозрения были бы, извините за прямоту, полной херней. Такие расстояния по плечу лишь героям из комиксов, но я не герой, а мы с вами – не в комиксах. И раз уж вы откуда-то знаете о некоторых... э-э... особенностях моего организма, вы обязаны знать и мой максимальный... э-э... радиус действия.

Сергей Петрович сложил фотографии обратно в конверт, а конверт спрятал.

– Ну что вы, Роман Ильич, ни в чем таком вас не подозревают, – ласковым голосом произнес он. – Нам отлично известно, что это не вы его. Это мы его.

Глава третья

Ого! Неожиданный поворот. Я заново присмотрелся к гостю, а тот позволил мне себя рассмотреть. Защитный слой тефлона, хорошо заметный с первого взгляда, никуда не делся и при втором. Однако на непроницаемом лице я вдруг увидел нормальные глаза. Живые, человеческие. Похоже, хитрый Сергей Петрович до поры их куда-то прятал, а теперь счел нужным предъявить – вместо документа. Знал, что на казенных бумажках, пусть и самых авторитетных, подкатывать ко мне глупо, да и небезопасно.

– С мусором изящно получилось, – признал я. – Симметричный ответ. Одного не пойму: ко мне-то вы зачем явились? За консультацией, что ли? И, кстати, «вы» – это вообще кто? Тайное общество неуловимых мстителей? Иллюминаты?

Улыбнувшись обеим моим версиям, Сергей Петрович помотал головой.

– Я бы с удовольствием ответил на все ваши вопросы, но есть человек, который сделает это гораздо лучше меня, – сказал он. – Хотите с ним поговорить? Поедемте со мной.

Заманивает, змей, подумал я. Манипулирует. Разжигает интерес. Но, с другой стороны, чем я рискую? Навредить мне они, кажется, не намерены, а все мои альтернативы на сегодня слабенькие: либо недочитанный том мемуаров кня-

зя Юсупова, либо – что вернее – очередная беседа с Петрушей об «Утре стрелецкой казни». Список его претензий к картине Сурикова я изучил от и до, но каждый раз император изобретал всё новые и новые. Своим занудством он даже стойкого монархиста мог бы довести до идеи цареубийства.

– Ну что, едем? – Гость глянул на свой наручный хронометр, потом на меня. – Мы вас долго не задержим, честное слово. Три часа максимум, вместе с дорогой туда и обратно.

В эту клинику я запихнул себя сам и не собирался что-то менять в привычном распорядке. За новостями я не слежу, за территорию не выхожу, на администрацию не жалуясь, всем доволен. Я – примерный псих. Для человека вроде меня тут полный релакшен. Прессу не носят – раз. Вайфай не подключен – два. Из телеканалов только «Классика Голливуда» и Discovery – три. Короче, рай непуганых идиотов. С другой стороны, раз в полгода мне бы, наверное, не помешал перерыв. Отдых в раю тоже бывает утомительным... Тем не менее из чувства протеста я решил еще немного по-сопротивляться уговорам.

– Три часа? – переспросил я. – Нет, не пойдет. Пропущу прием лекарств, а у меня режим.

– Вот ваши таблетки, – Сергей Петрович вручил мне пластиковый стаканчик. Он был похож на наш, только с крышкой. – Возьмите с собой и примете, когда будет необходимо.

– Их можно только после еды, а завтрак у нас через полчаса, – продолжал упорствовать я.

И снова гость оказался на высоте.

– Роман Ильич, не беспокойтесь, я прихватил вашу запеканку. – В его руках тотчас же материализовался вкусно пахнущий пакет. – Теплая, разогревать не надо. Сможете поесть в машине, по дороге к нам. Вот этим запьете таблетки. – Откуда-то возникла и зеленая упаковка сока с приклеенной соломинкой. – Еще какие-нибудь пожелания есть?

Пора было завязывать с капризами. Хотя одно условие у меня оставалось.

– Уговорили, – сказал я. – Едем, куда скажете. Под вашу ответственность. Главное, рулите как можно дальше от Лубянки. После 4 декабря там, наверное, кадры обновились процентов на девяносто, но моему хрупкому организму сегодня может хватить и десяти. Не будем рисковать. Вам ведь не хочется потом отмывать салон вашего автомобиля?

– Не хочется, – подтвердил Сергей Петрович. – Но этого, я уверен, и не случится. Наш офис – совсем в другом районе, так что мы без проблем обогнем комплекс зданий на Лубянке по о-о-очень далекой траектории. Всё под контролем, не переживайте.

Уже в который раз я оценил квалификацию гостя. Подготовились, ничего не скажешь. Видимо, я им действительно нужен. Знать бы еще, кому именно и какого черта...

С верхней одеждой я немного не рассчитал. Июньское солнышко припекало, в пиджаке оказалось жарковато. Хорошо еще, что наш автомобиль – совсем не пафосный фолькс-

ваген-жук светло-голубой раскраски – приткнулся недалеко, напротив ворот клиники. Полгода назад, когда я заселялся, стоянка тут категорически не разрешалась. Отлично помню, как таксист высадил меня метров за двести и мне пришлось тащиться пешком между сугробами с тяжелым чемоданом в руке. Теперь же рядом с главным входом было черт знает сколько беспечно припаркованных машин.

Я по привычке завертел головой в поисках суровых дорожных знаков, но не обнаружил ни одного. Эй, кто посмел отбирать хлеб у дэпээсников? Как и всякий москвич, я давно притерпелся к запретительным жестянкам, которые внезапно появлялись в неожиданных местах. Но чтобы какой-то выгодный знак вдруг убрали? Чудеса – да и только!

Сергей Петрович догадался о моих чувствах и понимающе ухмыльнулся.

– В столичном ГИБДД – тоже новая метла, – объяснил он. – Иван Юржилин, трижды герой России, бывший космонавт, суперстар. Два с лишним года непрерывного стажа на МКС, буквально месяцы оставались до Книги рекордов Гиннеса... Но позвали – и он сразу вернулся. Я всё осознал, говорит. Главное всегда остается на Земле, говорит. Вы бы видели, Роман Ильич, его разборки с мэром по средам на ТВЦ! Вся Москва смотрит.

– Прямо настоящие разборки? – Втиснувшись на заднее сиденье, я положил рядом с собой прямоугольную картонную коробку, куда мой гость упаковал таблетки, сок и запе-

канку. Главным было захлопнуть дверь и не прищемить при этом бороду. – В прямом эфире?

– В прямейшем! – подтвердил Сергей Петрович. Он завел мотор, и наш жук благодарно фыркнул. – Аж искры летят. Жаль, вы не следите. Сейчас по ящику такие идут споры – телезлодей Кенарев от зависти сгрыз бы свой лиловый френч. Михал Саныч Гурьев, нынешний мэр, у нас экономист, лауреат и тэ дэ. У него главная песня одна – надо думать о будущем и пополнять городской бюджет. Наша нерезиновая еще, мол, год проживет за счет конфиската, а потом? Опять доить регионы? Лучше уж самоокупаемость. Нерадивые московские водители тоже могут кое-что принести в казну.

– И что космонавт? Неужели против?

– Категорически! – ответил Сергей Петрович. – Не для того, говорит, я в невесомости маялся и ультрафиолет глотал, чтобы дома портить людям жизнь. Раз уж, говорит, в околоземном пространстве движение тел подчиняется законам физики, то и на дорогах Москвы этих законов достаточно. А значит – никаких штрафов по пустякам. Закрытые проезды – открыть, стоянки повсюду – разрешить, двойную сплошную оставить, но за ее пересечение брать по-минимуму, если не возникло аварийной ситуации... И ведь добился уже, молодец, кое-чего. Заметили, да? Теперь гибдэдэшникам труднее нас ободрать.

Я выглянул в окно и понял, что дорожных знаков по пути следования и вправду стало намного меньше, чем я привык

видеть на улицах: пропали из виду грибницы красно-белых и красно-синих кружков с цифрами, стрелками и перечеркнутыми пиктограммами. Въезды во дворы освободились от полосатых зарослей шлагбаумов. Я почувствовал, что в окружающем меня уличном пейзаже не хватает еще одной привычной детали... Ну где ж они, родимые?

– Быть не может... – выдохнул я. – Этот Юржилин – он что, и эвакуаторы убрал?

– Все, подчистую. – Сергей Петрович притормозил на «зебре», пропуская стайку деловитых бабулек с плакатами. На одном из них я увидел надпись «Верните ей эфир!» и жестоко нарумяненное лицо актрисы из старого фильма про обманутую бесприданницу. – Штук триста самых древних экземпляров сразу сдали в металлолом, те, которые поновее, по дешевке продали в Монголию, а вместо штраф-стоянок теперь детские площадки.

Вот оно, безумство храбрых, с уважением подумал я. Такой подвиг только космонавтам по плечу. Удивительно, что в нашей клинике до сих пор нет парочки героев космоса. Они же первые в группе риска. Чуть зазеваешься – и в тебя вселился какой-нибудь циничный alien. Или, наоборот, восторженный, но со своим инопланетным чувством прекрасного. Впрочем, любой alien мне заведомо симпатичнее, чем вчерашняя медвежуть...

– А других космонавтов среди нового начальства случайно нет? – спросил я.

– Никто больше не хочет, даже бортовой компьютер с МКС, – хмыкнул Сергей Петрович.

Дождавшись зеленого сигнала светофора, он ловко вырлил на Большую Переяславскую. Я наблюдал из окна, как мимо нас лениво проплывает желтая раковина бензоколонки Shell, ее сменяет огромная розовая тетка с вывески «Русской блинной», а тетку с блинами – малиновый треугольник внушительного вида, логотип «Дельта-банка».

За полгода Москва заметно изменилась и, пожалуй, к лучшему. Пропали не только многие дорожные знаки. С улиц ушла муравьиная суета, раздражавшая отсутствием всякого видимого смысла. Еще недавно в московскую землю ежедневно закапывали бюджетные деньги – и не останавливали процесс даже во время эпидемии и табачно-водочных беспорядков. Теперь уже никто не взламывал новый асфальт, чтобы положить вместо него новейшую плитку, и не выковыривал потом плитку, чтобы вернуть на место асфальт. Исчез с глаз долой так бесивший меня прежде повсеместный пластиковый новодел: псевдоримские портики в окружении гирлянд бумажных цветов, макеты триумфальных арок, увитых яркими связками воздушных шаров, искусственные баобобы вместо спиленных дубов и геометрически правильные клумбы, в центре которых базальтовыми брусочками были выложены три гордые буквы «С» – Самсон Силантьевич Сапрыкин. Наверное, всё это фальшивое буйство цвета помо-

гало бывшему столичному мэру забыть суровые пейзажи его юности, проведенной среди пустыни полуострова Мангышлак. Интересно, уцелел ли сапрыкинский Институт урбанизма? На месте новых городских властей я бы разобрал это здание по кирпичику, а на его месте устроил танцплощадку...

– Роман Ильич, вы кушайте, а то остынет, – заботливо напомнил мне Сергей Петрович.

Спохватившись, я раскрыл коробку. И как меня угораздило забыть про завтрак? Раньше такого не бывало. Наверное, это из-за того, что я слишком долго не покидал пределы клиники. Удобная одноместная палата, щадящий режим, приличное меню, добродушный персонал, небуйные соседи, Петруша с его ежевечерними рассказами о стародавних русско-шведских баталиях – всё это надежно отгораживало от реальности. Но стоило выйти за порог, как мое природное любопытство перевесило стремление взять у жизни тайм-аут. Глазеть по сторонам оказалось интереснее даже, чем есть. К счастью, аппетит – тот прожорливый сурок, который всегда с тобой. Я наполовину освободил свою порцию от бумажной обертки, откусил и стал сосредоточенно жевать.

Поначалу запеканка не обманула ожиданий, однако минуты через две я ощутил резкий неприятный привкус: то ли огурцы скисли, то ли рыба оказалась второй свежести. Что еще за вредительство? Не могло всё так быстро испортиться! Это же не... Приступ тошноты навалился на меня внезапно, как взвод росгвардейцев из-за угла, взбултыхнул желудок с

такой силой, что я едва сумел удержаться в миллиметре от приступа рвоты. Лишь пару секунд спустя, когда к тошноте прибавилось позабытое чувство острого жжения в носу и шмелиного жужжания в ушах, я понял, в чем дело. Ах ты, зараза!

Глава четвертая

Схватив пластиковый стаканчик с лекарствами, я сковырнул ногтями крышку и всю горсть пилюль, не разбирая доз, отправил себе в рот. Мать-мать-мать, где же мой сок? А, вот он, родимый! Чтобы не возиться с соломинкой, я надорвал боковой клапан и вылил в рот содержимое коробочки – даже не понял, яблочным был сок, виноградным или каким-то мультифруктовым. Секунд сорок я сидел с закрытыми глазами и стиснутыми зубами и, не отвлекаясь ни на что другое, давил тошноту. Затем она стихла. Транки подействовали. Мягкая уютная теплота стала обволакивать мозг изнутри, гася жжение и жужжание. Тогда я, наконец, открыл глаза и огляделся, пытаюсь понять, откуда прилетел импульс.

Мы уже не ехали, а стояли где-то на проспекте Мира в пробке: похоже, эту родовую травму столицы пока не смогли излечить ни Юржилин с его космическими реформами, ни новый мэр. Справа от нас пыхтел тяжелый фургон «Мосмобели», а слева выстроились в ряд разноцветные легковушки. Ну и кто здесь у нас? Из-за кого я чуть-чуть не облевал весь фольксваген? Та-ак, вроде вижу! В окне «тойоты» из соседнего ряда промелькнул знакомый профиль с паклей-бородой, еще длиннее моей. Я без труда узнал брюзгливое выражение лица и нелепый головной убор с высоким шишаком, похожим на антенну: его внутри салона машины надо было

обязательно складывать, иначе голова не влезала.

Где-то я читал, что свою карьеру он начинал в органах. Упоминался и оперативный псевдоним: не то «Мишин», не то «Мирошин». Поскольку раньше я его так близко не видел – и, значит, не *ощущал*, – то не мог этот слух проверить. Теперь вот, спасибочки, убедился на собственной шкуре. Воистину: гони Лубянку в дверь, она влетит в окно. Опытным путем я давно уже установил, что сила их импульса прямо пропорциональна сроку службы. Теперешний эфэсбэшник молодой даже без транков мог перетерпеть. Но от тех, кто пришел в комитет еще при Андропове, меня тошнило гораздо сильнее.

Что-то скромненько он сегодня, с любопытством подумал я. Всего один шофер и никакой охраны рядом. Сидит и ждет, как все мы, грешные, когда рассосется пробка. Может, я обознался? Говорят, все их старые кадры прошли через контору. Шапка с антенной и седая борода там тоже совсем не редкость. Можно сказать, часть парадной униформы.

Я тронул водителя за плечо и на всякий случай уточнил:
– Это ведь он? Я не ошибаюсь?

– Кто? – не понял Сергей Петрович. Проследил за моим взглядом и кивнул: – Он самый.

– Так он что же, сейчас не при делах? Его переизбрали? Понизили в звании?

Бывший агент «Мишин» или «Мирошин» заметил, наконец, что за ним наблюдают. Он сложил губы куриной гузкой

и погрозил мне пальцем. Я в ответ показал ему кукиш.

– Да нет, работает там, где прежде, и в той же должности, – с усмешкой ответил Сергей Петрович. – Хотя среднемесячная зарплата стала у него, наверное, поменьше. Ну и часики от Фаберже пришлось сдать обратно в Алмазный фонд. Во-он, видите?

Как раз в эту минуту человек в соседней машине бросил сердитый взгляд на циферблат своих часов. И это был не какой-нибудь золотой царский брегет с бриллиантами, а рядовая китайская штамповка рублей за пятьсот. Даже у меня были получше.

– И как же он теперь – без почетного эскорта? Страдает, небось? Еле терпит?

– Наверняка, – невозмутимо подтвердил мой водитель. – Но это их обязанность. Профессиональный, как говорится, долг. Шеф терпел и им велел. Эскорт от ФСО им теперь не положен. Они ведь по Конституции – что? Отделены от государства. Ну вот оно и не вмешивается в дела их скорбные. А те больше не суются в дела кесаря. Паритет.

– То-то гляжу – машина у него простая, – сказал я. – И мигалки нет, даже плохонькой.

– Мигалки? – с недоумением переспросил Сергей Петрович. – А-а, вы о проблесковых маячках, что ли? Забудьте, Роман Ильич. Синих ведерок больше не будет – упразднены специальным указом еще в январе. Их оставили только у пожарных и «скорых». С маячком у нас теперь даже всена-

родно избранная Надежда Евгеньевна ездит не каждый раз, а только когда сопровождает из аэропорта какую-нибудь приезжую иностранную шишку. Но целиком перекрывать трассу по пути следования строго запрещено.

Ну и ну! Без мигалок и километровых кортежей Москва выглядела еще страннее, чем без эвакуаторов. Я знал, конечно, что после 4 декабря жизнь поменяется, но не ожидал от нее такой прыти. Все-таки я вовремя принял свои таблетки. Вроде пустячок, а полезно. Даже Алисе для адаптации в Стране Чудес понадобилась большая порция волшебных грибов.

– Много у вас тут всякого за полгода произошло, – признал я. – Голова идет кругом.

– Меньше, чем хотелось бы, – вздохнул мой водитель. – Если бы вы знали, сколько всего приходится до сих пор разгребать! В нефтянке после Запорожского – руины. То же и в армии после Хорхоя, и в судах... А регионы? Там вообще проблем немерено. Я, знаете, не люблю кино и почти не смотрю, а вот брат мой двоюродный – профессиональный киношник, сейчас работает с англичанами на съемках фильма про Ковентри. Неделю назад вернулся из Воронежа – ездил с группой искать натуру. Их операторы как увидели центр города, сразу за камеры схватились: йес, йес, террайбл, быютифул... О, вот и пробочке конец. Сегодня быстро, нам повезло. Еще немного потерпите, Роман Ильич, скоро будем на месте. Смотрите налево. Ориентир – танк. Как

увидите, значит приехали.

Я не понял, о каком танке он толкует, но переспрашивать не стал. Подумал, что среди вопросов, которые у меня накопились, этот – не главный. Раз сказали, значит, увижу. Лучшим развлечением детства был польский телесериал «Четверо в танке, не считая собаки». Непосчитанный фокстерьер тридцать серий подряд спасал экипаж машины боевой, а под конец лично загрыз фюрера и выиграл войну. Если я ничего не путаю.

Мы свернули с проспекта в один из переулков, проехали метров двести, свернули еще раз, и я уже издали увидел танк – «тридцатьчетверку» на высоком гранитном постаменте.

– Раньше здесь было одно из танковых подразделений Минобороны, – объяснил мне Сергей Петрович. – Закрытый для посторонних кондоминиум. После февральского сокращения штатов военные отсюда выехали, квартал разблокировали, а здание вместе с памятником передали нам на баланс. Танк, между прочим, подлинный. Последний экземпляр в экспортной серии, случайно сохранился на территории Бенина.

– Где-где-где? – удивился я. Неисповедимы пути советского оборонпрома!

– Западная Африка. Рассказывают, когда доложили Брежневу, он пустил слезу и велел выкупить обратно за любые деньги, а потом водрузить куда-нибудь по профилю. Здания

тут однотипные, так что в качестве опознавательного знака удобно. Заказываешь пиццу или там воду для кулеров, скажешь только – дом с танком, и сразу всё понятно.

Припарковав машину возле постаментов, Сергей Петрович повел меня за собой к двери единственного подъезда. Я надеялся увидеть рядом с дверью хоть какое-нибудь название учреждения, но заметил лишь темный прямоугольник, выделяющийся на фоне кирпичной стены: как если бы старую вывеску торопливо сняли, а новую так и не установили.

За дверью обнаружилась проходная, несерьезная на вид. Думаю, последний раз инвентарь тут обновлялся еще при советской власти. Привычной рамки металлодетектора не было в принципе, а вместо угрюмых качков в кевларе вход охранял дедуля в потрепанном камуфляже. Здешний цербер сидел в узкой застекленной будке, похожей на скворечник, и пил чай с сушками. Без единого вопроса старик пропустил моего провожатого и меня через скрипучий турникет, после чего Сергей Петрович повел меня к лестнице наверх.

– Этаж у нас третий, – объяснил он, – но лифты – барахло, пешком быстрее выйдет.

Вскоре мы очутились на этаже. Полузабытый стиль советского ретро окружил меня со всех сторон. Пол был паркетный и желтый, потолок – меловой и белый, двери обиты дерматином цвета школьных ранцев моего детства, а стены выкрашены зеленой масляной краской. Над нашими головами висели мутные электронные табло, по которым неторопливо

проплывали цифры: время в разных часовых поясах и курсы валют – от знакомых до экзотических. Пока мы шли по коридору, я, сам того не желая, узнал, почему нынче аргентинское песо, гватемальский кетсаль, мавританская угия и гаитянский гурд.

Из коридора мы свернули в какой-то закуток, ткнулись в серебристую металлическую дверь с лаконичной табличкой «Приемная». Сергей Петрович дважды постучал по табличке. Не дожидаясь ответа, открыл дверь и посторонился, пропуская меня.

– Нонна Валерьевна, – сказал он, – доложите начальству, что Роман Ильич прибыл.

Нонной Валерьевной оказалась миниатюрная блондинка со сложной прической в форме вавилонского зиккурата. Хотя между мной и секретаршей было не больше метра, я не мог уловить, красива ли она и сколько ей вообще лет – тридцать или все шестьдесят. Прическа так здорово оттягивала на себя внимание, что лицо постоянно уходило в область моего периферийного зрения. Профи, с уважением подумал я. Умение ускользать достигается годами тренировок. Мне никогда не давалось искусство ниндзя – не хватало времени и упорства. Зато у Нонны Валерьевны, сдастся мне, то и другое имелось в избытке.

– Секундочку! – Секретарша пробежалась пальцами по кнопкам интеркома, прислушалась к треску и сказала, не поднимая глаз: – Проходите. Мне очень жаль.

Я встряхнул головой, пытаюсь уловить смысл последней реплики, но черная кожаная дверь в кабинет уже сама приоткрылась, ожидая посетителя. И когда я чуть замешкался на пороге, Сергей Петрович легонько подтолкнул меня вперед. А сам остался в приемной.

Наверное, раньше кабинет принадлежал одному из бронетанковых начальников – не ниже полковника, не выше генерал-майора. Новый хозяин не успел здесь всё переустроить или, может, не захотел. Когда мне было лет пять, я случайно заглянул в кабинет папиного начальника – директора НИИ. Это место выглядело почти таким же: гипсовая лепнина на потолке, массивная люстра в форме перевернутого торта, тяжелые кремовые шторы, два кресла с широкими подлокотниками и громоздкий двухтумбовый стол – такие смахивают на увеличенный раза в два бабушкин сундук. Из-за мегасундука мне навстречу поднялся коренастый дядька лет семидесяти в роговых очках, с седым ежиком и простыми чертами лица. Он отлично вписывался в интерьер. В советском кино так изображали секретарей парткома, а в голливудском – старых честных шерифов. Впрочем, и главарей мафии тоже.

– Здравствуйте, Роман Ильич, садитесь! Меня зовут Юрий Борисович... – Произнося свою фамилию, он закашлялся на середине, и до меня донеслось что-то вроде «Ба... кхэ-кхэ... шников». Батыжников? Баклушников? Барышников? Хотя какая разница? Я даже не был уверен в его имени и отчестве. Да и мой гид Сергей Петрович мог быть кем

угодно.

Дождавшись, когда я опущусь в кресло, обопрюсь на кожаную спинку и пристрою руки на подлокотниках, хозяин кабинета собрал на лбу несколько скорбных морщин и произнес:

– Прежде всего позвольте выразить вам свои искренние соболезнования...

Ай-яй-яй, подумал я, и кто же у нас умер?

Глава пятая

– ...в связи со скоропостижной кончиной вашего брата...

Юрий Борисович замолчал и вопросительно посмотрел на меня – наверное, ожидал какой-нибудь реакции на свою новость. Пусть не рыданий, но хотя бы скупой мужской слезы. Я молча склонил голову: спасибо, мол, принял к сведению, давайте дальше.

– Лев Ильич был чудесным человеком ... – продолжил хозяин кабинета, немного смущенный моей бесчувственностью. – Всем нам будет его не хватать... Вы в порядке?

– Да-да, благодарю вас, – коротко ответил я. – Печальная новость. Мне еще предстоит ее осознать. Извините, я только что принял транквилизаторы, они гасят все эмоции.

Я врал. Дело было не в ударной дозе таблеток, которые я принял в машине. У меня транки не туманят голову, а уберегают от тошноты и, главное, успокаивают внутренние *весы*. Но любое внешнее проявление моей скорби по Левке сейчас отдавало бы фальшью.

Братом он был хреновым. Наверняка бывают и худшие, но я не встречал. Лев Ильич появился на свет за одиннадцать лет до моего рождения, и из-за большой разницы в возрасте родители часто назначали его моим сторожем и нянькой. По той же причине у меня не было шансов стать ему другом. Теперь-то, много лет спустя, я догадываюсь, до какой степени

сопливый Ромик раздражал почти уже взрослого Левку. Самим фактом своего существования я отвлекал братца от серьезных дел, путался под ногами, донимал нелепыми – в его понимании – вопросами. Иногда он даже пробовал снизойти до моей дурости и с высоты своего возраста пытался учить меня жить. Получалось плохо. Я по малолетству был бестолков, а у Левки отсутствовал педагогический талант. Он быстро терял терпение, злился и щелкал меня по носу – не больно, но очень обидно. «Мой родной брат не может быть таким кретином, – часто дразнил меня он. – Ты, наверное, приемный». Лет до семи я пугался: а вдруг и правда приемный? Но в конце концов сообразил, что мы с Левкой уж точно родные. Кое-что важное нас объединяло.

– Большая, большая потеря... – Юрий Борисович покивал с печалью на лице. – Эта автомобильная авария в среду стала для нас для всех настоящим ударом. Крайне сожалею, что не смогли позвать на траурную церемонию. Мы не сразу вас нашли... Знаю, после смерти родителей брат оставался вашим единственным близким родственником. Я, уж извините, вчера навел справки. Мне известно, что в последние годы вы с ним довольно редко общались...

Редко, значит? Ну-ну, подумал я. Братец окончательно пропал с горизонта лет пятнадцать назад, сразу после отцовских похорон. На маминых его уже не было. Он словно испарился. Я понятия не имел, где он, чем занимается, есть ли у него семья, жив он или нет. И вот теперь, оказывается, все

эти годы он был-таки жив, а умер только на днях.

– И поскольку Лев Ильич был нашим сотрудником, мне хотелось бы от всего сердца...

– Стоп-стоп-стоп! – Церемонная фраза обещала быть долгой. Я не стал дожидаться, пока хозяин кабинета домучит ее до точки. – Благодарю за сочувствие, я тронут и так далее, но... Прежде чем мы продолжим, хочу знать главное: «ваши́м сотрудником» – это чьим конкретно? Кто вы вообще такие? Чем вы тут заняты? Или это государственная тайна? Может, мне полагается сначала дать вам подписку о неразглашении?

Юрий Борисович энергично замотал головой.

– Для вас, Роман Ильич, никаких подписок и никаких тайн. Но чтобы ответить на ваши правильные вопросы, мне придется начать изда́лека. Давным-давно...

Давным-давно в одной отдельно взятой галактике на планете Земля жила-была страна. Называлась она Россия. Так уж вышло, что история ее никогда не была особенно счастливой. Страну не замечали, страну боялись, стране сочувствовали, а в последние четверть века она превратилась в такое гнилое болото, что мир предпочел отгородиться от нее и уже почти махнул рукой. К счастью, ситуация изменилась после известных событий, получивших название Славной Революции 4 декабря. Бороться за гниль никто не захотел, поэтому ржавые скрепы рассыпались. Подлый мир буквально за

неделю канул в небытие. Вчерашние хозяева жизни и их слуги шустро расползлись по всему глобусу и забились в глубокие щели. Они сменили имена, паспорта, номера банковских счетов и понадеялись на юридические увертки, а еще больше – на короткую память обывателей и великодушные победителей. Как будто они оказались правы: шли месяцы, а родина официально не преследовала беглых ворюг и кровопийц. Но значило ли это, что о них забыли совсем?..

На самом деле Юрий Борисович говорил длиннее и не так гладко, но я мысленно перестраивал у себя в голове его фразы, отшелушивая ненужные нюансы и оставляя суть.

– ...Надеюсь, вам понятно, куда я клоню? – закончил свою тираду хозяин кабинета.

– Более-менее, – сказал я. – Моя родина не злопамятна, но зло помнит и память у нее хорошая. То есть у нас по примеру «Моссад» все-таки разыскивают беглых бывших. Допустим. Но зачем карать тайком? Они, в конце концов, – не террористическая сеть. Тут каждый за себя. Когда этих говнюков находят, не лучше ли идти законным, так сказать, путем? Не проще ли добиваться экстрадиции и преследовать каждого строго по суду?

– Вы прямо как ваш брат, – обрадовался Юрий Борисович. – Сразу смотрите в корень. Вот что значит гены! Замечательный вопрос. Точнее, два. И я начну по порядку. Да. И нет.

– Что значит это ваше «да и нет»? – не понял я.

– Лучше, но не проще. В том и беда, что не проще... Как бы вам это объяснить?.. – Мой новый знакомый задумчиво побарабанил пальцами по столешнице. – А! Вот! Давайте я расскажу историю про одного мерзкого типа. С ним сперва удачно получилось. Так мы думали. Итальянцы его уже выкинули из страны, а израильтяне еще прикидывали – принять или нет. Ему надо было лететь из Рима напрямую компанией Эль Аль и ждать там на месте. А он сэкономил и выбрал Эгейские авиалинии, рейс с пересадкой в Афинах. Греки сдали его Интерполу без проблем, и Интерпол единственный раз сработал без сбоев. Это я всем известного Кенарева имею в виду. Вы уже были в клинике, когда его судили.

– Bravo! – похвалил я российскую Фемиду. – Приятная новость. Полночного фуфлогона все-таки поймали и отдали под суд? Жаль, я пропустил. И что, интересный был процесс?

– Ужасный, – вздохнул Юрий Борисович. – Ужасный для нас. Наши прокуроры пока еще не умеют вести состязательный процесс – тяжело с непривычки. Лиловый френч быстро сообразил, что суд у нас теперь решает не по звонку, а по закону. Нанял, гадюка такая, за охренительные бабки люксовых адвокатов, и те уже на предварительных слушаниях буквально размазали обвинение. Что мог ему предъявить прокурор? Слова, слова, слова.

– А за слова сегодня не сажают, – смекнул я. – Новые веяния в судопроизводстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.